УДК 93/94 (479.224-25)

Зухба Мадина Ивановна

аспирантка кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета
тел.: (940) 998-25-68

Zukhba Madina Ivanovna

Postgraduate Student of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations of Kuban State University
tel.: (940) 998-25-68

К ПРОБЛЕМЕ НЕЗАВИСИМОСТИ АБХАЗИИ: ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

В статье исследована проблема независимости Абхазии в XX-XXI вв. Выявлены причины и предпосылки грузино-абхазского конфликта 1992-1993 гг., охарактеризован поствоенный переговорный процесс, изучены подходы к проблеме независимости Абхазии, дано определение процесса трансформации грузино-абхазского конфликта, рассмотрены сформировавшиеся после августа 2008 г. в абхазском общественно-политическом дискурсе тенденции по способам урегулирования грузино-абхазского конфликта.

Ключевые слова: **абхазская независимость, грузино-абхазский конфликт, переговорный процесс, вовлечение без признания, вовлечение путем сотрудничества, трансформация конфликта.**

ON THE PROBLEM OF ABKHAZIA INDEPENDENCE: FROM THE HISTORICAL PAST TO THE PRESENT

The article explores the problem of independence of Abkhazia in the XX-XXI centuries. The causes and prerequisites of the Georgian-Abkhaz conflict of 1992-1993 have been revealed; post-war negotiation process has been characterized; the approaches to the problem of Abkhazia independence have been studied; the definition of the transformation process of the Georgian-Abkhaz conflict has been given and the tendencies to settling the Georgian-Abkhaz conflict formed after August 2008 in the Abkhazian social and political discourse are considered.

Key words: **Abkhazian independence, Georgian-Abkhazian conflict, negotiation process, engagement without recognition, engagement through cooperation, conflict transformation.**

Распад СССР и крушение «социалистического лагеря» способствовали формированию нового мирового порядка, привели к кардинальной перекройке политической карты мира, обозначив появление на ней большого числа новых суверенных государств. Поспешное принятие «актов о независимости» бывшими советскими союзными республиками, осуществлявшееся без учета возможных последствий произведенных территориальных и статусных изменений для автономных республик, привело к ряду вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве. Данный период оказался поворотным и для новейшей истории Абхазии, закрепивший в национальном сознании абхазского народа твердую необходимость достижения государственной независимости как безальтернативного гаранта сохранения и выживания абхазского этноса в качестве самобытной социокультурной общности. В результате грузино-абхазской войны 1992 – 1993 гг., окончившейся военным поражением Грузии, на постсоветском пространстве образовалась Республика Абхазия, фактическая независимость которой была закреплена в Конституции РА от 26 ноября 1994 г., провозгласившей Абхазию суверенным, демократическим, правовым государством [1].

Несмотря на актуальность исследуемой проблемы для современной науки и международных процессов, данная тема остается недостаточно изученной, с точки зрения истории вопроса и новых тенденций. В настоящее время различным аспектам проблемы посвящено большое количество научных исследований, среди которых можно выделить труды К. Кудрявцева[2], Д.И. Гулия [3], А.В. Фадеева[4], Б.Е. Сагария [5], С. Лакоба [6], Т.М. Шамба [7], Ф.З. Дзапшба [8] и др. Вместе с тем в отечественной и зарубежной историографии отсутствуют работы комплексного характера, полностью посвященные проблеме независимости Абхазии.

В связи с этим исследование процесса формирования и развития абхазской государственности представляется важным. Цель статьи – провести анализ проблемы независимости Абхазии в истории и политике. При анализе поставгустовских реалий применялся метод углубленных интервью.

В качестве источников были привлечены сборники материалов и документов по истории Абхазии, интервью автора с официальными представителями государственной власти Республики Абхазии, экспертами, общественными деятелями, которые позволили извлечь значительную информацию о важных аспектах статусного характера и основных тенденциях процесса грузино-абхазского мирного урегулирования.

Февральская революция, ознаменовавшая распад Российской империи в 1917 г., изменила политическую обстановку как в Закавказье в целом, так и в Абхазии в частности. И Абхазия, и Грузия встали на путь образования независимых государств. Так, в период с 1917 по 1921 гг. Абхазия являлась суверенным и независимым государством с четко установленными внешними границами. Суверенный статус абхазского государства в данный период подтверждается самостоятельным вхождением Абхазии в северокавказские интеграционные объединения, в которых Абхазия

обладала правом вступать в договорные отношения с другими государствами в качестве самостоятельного субъекта международного права; наличием легитимного органа государственной власти – Парламента (Абхазский народный совет); принятием Декларации и Конституции АНС; подписанием с Грузией соглашения от 9 февраля 1918 г., зафиксировавшем внешние границы Абхазии в пределах от р. Ингур до р. Мзымта [9, с. 26-27].

Установление советской власти в Абхазии 4 марта 1921 г. закрепило за ней статус Советской Социалистической Республики, Конституция которой легитимировала суверенитет и территориальную целостность абхазского государства в пределах собственных границ, а также наделила Абхазию правом свободного выхода из состава Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики [10]. Включение Абхазской ССР на правах автономии в состав Грузинской ССР в 1931 г. в юридическом отношении нелегитимно – изменение государственно-правового статуса Абхазии возможно было произвести лишь в рамках ЗСФСР, через которую Абхазия входила в СССР. Понижение статуса Абхазской ССР до статуса автономной республики в 1931 г., а также последующая дискриминационная политика грузинского руководства по отношению к абхазскому народу способствовала мобилизации этничности и росту националистических настроений в абхазском обществе. Массовые митинги и демонстрации с требованием выхода Абхазии из состава Грузии происходили в 1957, 1964, 1978 и 1989 гг.

Современный этап борьбы народа Абхазии за независимость приходится на конец XX в. В 1989-1990 гг. парламент Грузии в одностороннем порядке стал принимать решения, которые фактически вели к упразднению автономного статуса Абхазии – хоть и усеченной, но государственности. В результате началась конституционная война законов, приведшая 14 августа 1992 г. к открытому вооруженному противостоянию между Грузией и Абхазией. Грузино-абхазский конфликт 1992-1993 гг., на наш взгляд, стал результатом неспособности сторон в условиях демонтажа советской системы и этнической мобилизации институционализировать государственно-правовые отношения. В числе предпосылок конфликта можно выделить следующие: «историческая память» абхазского народа, отягощенная негативным опытом совместного проживания; формирование «образа врага» как реакция на грузинский радикальный национализм; исчезновение сдерживающего фактора в лице СССР.

Переговорный процесс, последовавший за окончанием военных действий 30 сентября 1993 г., явился новым инструментом политического диалога по проблемам, затрагивавшим национальные интересы сторон, на высшем уровне.

Статус победителя в войне открывал для абхазской стороны новые возможности – участие в переговорном процессе на равноправной основе с Грузией характеризовал Абхазию в качестве самостоятельного субъекта политического диалога [11]. В то же время данный факт не исключал «ассиметричности переговорной ситуации», при которой абхазская сторона ощущала собственную уязвимость на переговорах. Во многом прогресс или положительный исход на грузино-абхазских переговорах зависел как от позиции его непосредственных участников, так и от роли посредников, которые, по мнению некоторых исследователей, проявляя заинтересованность в конкретном исходе переговоров, не стимулировали стороны к поиску более гибких подходов и смягчению позиций [12, с. 25]. Политико-правовой формат и конъюнктурная атмосфера, в русле которой протекал диалоговый процесс, сужали перспективу достижения сторонами взаимоприемлемых решений. Посредническая деятельность России, ООН и СБСЕ (ОБСЕ), осуществляемая, как в ходе конфликта, так и в процессе его урегулирования, не всегда отражала беспристрастную и нейтральную позицию, что отразилось на эффективности переговорного процесса как политического инструмента урегулирования грузино-абхазского конфликта. В целом, послевоенный переговорный процесс каких-либо позитивных решений и действий не принес, поскольку периодическая эскалация напряженности между сторонами не способствовала выработке компромиссной модели государственно-правовых отношений между Абхазией и Грузией. Во многом данная ситуация объяснялась и диаметральностью позиций грузинской и абхазской сторон по принципиальным вопросам урегулирования, отсутствием политической гибкости, попытками реставрации советской модели государственно-правовых отношений без учета национальных интересов абхазов, акцентированием внимания на последствиях конфликта в отрыве от анализа его истоков. В результате, грузино-абхазский конфликт перешел в стадию стагнирующей неопределенной конфронтации. Переговорный процесс окончательной зашел в тупик в июле 2006 г., после ввода Грузией в верхнюю часть Кодорского ущелья воинских подразделений и размещения там «правительства Абхазии в изгнании». Между тем, в соответствии с Московским соглашением «О прекращении огня и разъединении сил» еще от 14 мая территория Кодорского ущелья являлась демилитаризованной зоной [13, с. 339-341].

Августовские события 2008 г. и последующее признание Российской Федерацией независимости Республики Абхазия полностью изменили расстановку сил на Кавказе, контекст конфликта и основные механизмы его урегулирования. В целом не изменив исходные позиции и целевые установки сторон по принципиальным вопросам урегулирования, августовский кризис, вместе с тем, способствовал форми-

рованию нового восприятия и новых тенденций в отношении конфликта.

Август 2008 г. актуализировал вопрос пересмотра западной политики в отношении Абхазии и Южной Осетии. Абсолютная приверженность территориальной целостности Грузии и политике «стратегического терпения», заявленной в качестве официальной позиции США и европейских государств на Южном Кавказе, подверглась критике в академических и экспертных кругах Запада. «Стратегическое выжидание» предлагалось сменить на «проактивную политику» в регионе, а «территориальную целостность» Грузии заменить на нейтральную для всех сторон формулировку – «суверенитет» [14, p. 70]. В то же время, определяющей в отношении Абхазии, по мнению, как экспертного сообщества, так и западных акторов, должна стать политика «непризнания». Основу «политики непризнания» заложил разработанный в конце 2009 г. непубличный документ Комитета по вопросам политики и безопасности ЕС «О непризнании в отношении Абхазии и Южной Осетии и параметрах политики участия ЕС». Главным принципом европейской стратегии стала формула – «не признавать, но взаимодействовать». Официально не признавая политический статус Абхазии, европейская стратегия предполагает взаимодействие с Республикой на «политическом, экономическом, общественном» уровнях [15].

Официальное продвижение европейской стратегии «вовлечение без признания» было возложено на Специального представителя ЕС по Южному Кавказу Питера Семнеби, предельно ясно обозначившего стратегические цели европейской «политики непризнания»: «Политика непризнания и взаимодействия была разработана и взята на вооружение ЕС в декабре 2009 года… В ее основе две поддерживающие друг друга опоры: приверженность Европейского союза идее территориальной целостности Грузии в рамках признанных международным сообществом границ, с одной стороны, и заинтересованность во взаимодействии с Абхазией и Южной Осетией, с другой» [16].

Вовлечение Абхазии рассматривается Европой как использование «мягкой силы» для сохранения открытых каналов коммуникации и защиты собственных интересов [15]. Как отмечают Кули и Митчелл, стратегия «вовлечения без признания» направлена, в первую очередь, не на восстановление территориальной целостности Грузии, так как решение данной проблемы хотя и является желательной, но вместе с тем остается долгосрочной целью, а на недопущение дальнейшего роста влияния России в регионе и укрепление посреднической роли Запада в отношениях с Абхазией [17]. Важным пунктом стратегии «вовлечения без признания», на наш взгляд, является положение, согласно которому приобщение Абхазии к европейским стандартам и общечеловеческим ценностям, а также взаимодействие на политическом, экономическом, социальном, культурном уровнях предполагается осуществлять не обязательно через Тбилиси, а напрямую с Абхазией для того, чтобы «европейский путь к взаимодействию с Сухуми заслужил доверие и оказался эффективным» [18, p. 60-61].

Несмотря на привлекательную возможность прорыва международной изоляции, и диверсификации своих контактов с внешним миром, абхазская сторона достаточно скептически отнеслась к европейским инициативам по взаимодействию. Во многом причиной тому стало принятие правительством Грузии в январе 2010 г. собственной «Государственной стратегии в отношении оккупированных территорий: Вовлечение путем сотрудничества», призванной достичь полной «деоккупации» Абхазии и Южной Осетии. Вовлечение последних предполагается осуществить посредством мирной реинтеграции их территорий и населения в конституционное пространство Грузии [19]. Государственная стратегия – политический документ, подготовленный для широкой аудитории, а именно: населения Грузии, населения Абхазии и Южной Осетии, международного сообщества. В документе стратегии подчеркивается необходимость проведения мер по улучшению социально-экономического положения населения Абхазии, в то же время, все виды сотрудничества и контактов Абхазии с внешним миром предполагается осуществлять только через Грузию, что фактически предполагает переход Абхазии в правовое поле грузинского государства.

В целом, европейская стратегия «вовлечение без признания» и грузинская госстратегия «вовлечение путем сотрудничества» представляют собой поставгустовский подход к решению проблемы независимости Абхазии. Конечной целью обеих стратегий является восстановление территориальной целостности Грузии, посредством трансформации грузино-абхазского конфликта. Под трансформацией конфликта, мы понимаем комплексный механизм, направленный на изменение контекста конфликта, посредством взаимодействия сторон на официальном и неофициальном уровнях, построения и укрепления мер доверия, нивелирования «образа врага» в сознании общества, поиска взаимовыгодных и нейтральных форм сотрудничества, с целью переформулирования и воздействия на проблемы, затрудняющие процесс разрешения конфликта.

По мнению представителей гражданского общества Абхазии, трансформация – это такое развитие ситуации, при наступлении которой общество приобретает навыки для разрешения конфликта без применения силы, т.е. трансформация конфликта – это переход «из состояния войны в состояние мира посредством изменения контекста конфликта» [20].

Как полагает Н. Акаба, трансформация – это наиболее безболезненный способ разрешения

конфликта, подразумевающий уважение друг друга и признание за каждой стороной права на свободное развитие: «Трансформация – это, когда меняется сознание людей, когда появляются новые акторы, переформулируются позиции и меняется сам контекст конфликта» [21].

Секретарь Совета Безопасности РА С. Лакоба считает, что трансформация конфликта сегодня понимается чересчур вольно [22]. Схожей позиции придерживаются и во внешнеполитическом ведомстве Абхазии. Как полагают сотрудники МИД РА, термин «урегулирование» гораздо более точно определяет действительность, использование трансформации при этом неприемлемо, так как данное понятие может в конечном итоге привести к деформации основополагающих позиций и интересов сторон [23].

Исходя из сказанного, можно предположить, что после августа 2008 г. в абхазском общественно-политическом дискурсе условно сформировалось два подхода по способам урегулирования грузино-абхазского конфликта.

1. Официальный, представители которого придерживаются классических методов урегулирования – разрешение конфликта возможно при достижении консенсуса по базовым официальным интересам сторон на основе принятия разового политико-правового решения, регулирующего отношения между Абхазией и Грузией. Трансформация же, следуя данной логике, не прогнозируема, т.к. она нейтральна по отношению к направлению развития конфликта.

2. Неофициальный подход, сторонниками которого выступают представители гражданского сектора, а также части экспертных и академических кругов. По мнению последних, урегулирование конфликта – длительный и сложный процесс трансформации, в котором от участников требуется более осознанное взаимодействие, способное стать фактором устойчивого и стабильного развития враждующих обществ.

В целом, перспективы урегулирования грузино-абхазского конфликта, на наш взгляд, зависят от степени обоюдной заинтересованности сторон в нейтрализации спорных вопросов, скорости преодоления этнической и социальной напряженности между грузинами и абхазами, а также успешной реализации политики по трансформации конфликта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Конституция Республики Абхазия от 26 ноября 1994 года // Государство (Официальный сайт Президента Республики Абхазия) URL: http://www.abkhaziagov.org/ru/state/sovereignty/ (дата обращения 24.05.2012).
2. *Кудрявцев К.* Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1992.
3. *Гулия Д.* История Абхазии. Тифлис, 1925. т. 1.
4. *Фадеев А.В.* Краткий очерк истории Абхазии. Сухум, 1934.
5. *Сагария Б.Е.* Национально-государственное строительство в Абхазии, 1921–1931. Сухуми, 1970.
6. *Лакоба С.* Очерки политической истории Абхазии. Сухум, 1990.
7. *Шамба Т.М., Непрошин А.Ю.* Правовые основы государственности и суверенитета. М., 2004.
8. *Дзапшба Ф.З.* Суверенитет Абхазии: историко-правовое обоснование. Саратов, 1995.
9. Абхазия – документы и материалы (1917 – 1921 гг.) / сост. Р.Х. Гожба. Сухум, 2009.
10. Конституция 1925 года / Государство (Официальный сайт Президента Республики Абхазия) URL: http://www.abkhaziagov.org/ru/state/sovereignty/constitution_1925.php (дата обращения 24.05.2012).
11. *Дамения О.Н.* Абхазия на рубеже веков. СПб., 2011.
12. *Акаба Н., Хинтба И.* Трансформация грузино-абхазского конфликта: переосмысление парадигмы. Сухум, 2011.
13. Соглашение о прекращении огня и разъединении сил. 14 мая 1994 г. // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. М., 2008.
14. *Charap S., Welt C.* A more proactive U.S. approach to the Georgia conflicts. CenterforAmericanProgress. February, 2011.
15. *Фишер С.* Вовлечение Абхазии необходимо Европе для сохранения открытых каналов коммуникации. URL: http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20987 (дата обращения: 23.06. 2012).
16. *Семнеби П.* Южный Кавказ в поисках общей идентичности: укрепление доверия и урегулирование конфликтов. URL: http://www.georgiamonitor.org/detail.php?ID=289&sphrase_id=125366 (дата обращения: 13.05.2012).
17. *Кули А., Митчелл Л.* ЕС не обязательно действовать в регионе через Тбилиси. URL: http://www.iiss.org/programmes/russia-and-eurasia/about/georgian-russian-dialogue/caucasus-security-insight/russian-version-issue-3/russian-version-issue-2/a-direct-route-to-engagment-russian/ (дата обращения: 23.06. 2012).
18. *Cooley A., Mitchell L.* Engagement without recognition: A New Strategy Toward Abkhazia and Eurasia's unrecognized states // The Washington Quarterly, October, 2010.
19. Государственная стратегия в отношении оккупированных территорий. Вовлечение путем сотрудничества / Важные документы (Официальный сайт Аппарата государственного министра Грузии по вопросам реинтеграции) URL: http://www.smr.gov.ge/docs/doc212.pdf (дата обращения: 23.06. 2012).
20. Из интервью автора с сотрудником Центра гуманитарных программ (Сухум, Абхазия) Л. Кварчелия (12. 04. 2012).
21. Из интервью автора с Секретарем Общественной палаты Республики Абхазия Н. Акаба (10.03. 2012).
22. Из интервью автора с Секретарем Совета Безопасности Республики Абхазия С. Лакоба (14.04.2012).
23. Из интервью автора с сотрудниками Министерства иностранных дел Республики Абхазия (22.04.2012).